

Евгений Рачин,
доктор философских наук, профессор (Россия)

Мир «Глобального человеиника» Александра Зиновьева

Книга А.А. Зиновьева «Глобальный человек» написана в жанре социологического романа, к которому принадлежат и многие другие произведения автора. Правильнее «...Человек» было бы назвать фантастической утопией будущего, написанной в художественно — документальной манере. Главная тема книги — перспективы человечества в XXI веке, структура глобалистского сообщества, возможное содержание социальных процессов в нём.

Известно множество социальных утопий о будущем человечества: это и «Утопия» Томаса Мора, и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, и «Город Солнца Т. Кампанеллы», и сочинения французских социалистов — утопистов Ф. Бабёфа, Г. Мабли, Морелли, и утопии XIX века К.А. Сен-Симона, Р. Оуэна и Ф. Фурье. Все их отличают благородные идеи о равенстве людей, о справедливом распределении общественного продукта, об активном участии людей в коллективном труде и др. Сам Зиновьев упоминает о недавних футурологах Оруэлле, писавшем о крайнем тоталитаризме, и Хаксли, построившем образ общества, живущего под надзором «мягкой власти» — надзором через удовлетворение потребности в удовольствиях.

Социологический роман Зиновьева не таков. В нём нет места мечтам об идеальном справедливом обществе. В нём описаны черты настоящих обществ конца XX века и сформировавшиеся в это время характерные особенности, имеющие тенденции к их полному развёртыванию в середине XXI века. Картина глобалистского общества будущего, несмотря на её кажущуюся фантастичность, написана автором с устрашающей читателей убедительностью. После прочтения книги и ознакомления с прогнозом автора о неизбежности самораспада глобальной империи остаётся впечатление безнадежности: а что будет с обществом и людьми дальше? Неужели наступит эпоха вымирания человеческого рода? В отличие от предыдущих антиутопистов, бывших литераторами — фантастами, к Зиновьеву больше веры, так как он — социальный философ — реалист. Он и сам определяет свою позицию словами: «Я утверждаю: все тайны бытия открыты для всеобщего обозрения, надо лишь в себе самом найти силы посмотреть на вещи прямо» [2: с. 281]. Вот это выведение судьбы будущего общества из реалий настоящего и делает роман Зиновьева знаковым произведением. Гло-

Книга Зиновьева важна для
осмысления путей и целей
социального прогресса
на земле

бальный человек может в будущем оказаться и не таким страшным. Но развившиеся из нынешних недостатков общества его будущие социальные пороки могут стать губительными для людей. Поэтому книгу Зиновьева можно рассматривать как предостережение: неконтролируемая с позиций гуманного Добра история ведёт к социальному порядку, прикрывающему хаос и зло.

Сюжетные линии романа слегка намечены и весьма условны. Однако можно весьма определённо выделить в нём четыре основные темы. Первая тема — политическая структура глобального человека. Вторая тема — развитие научно — технического прогресса и социально — экономические изменения под его влиянием. Третья — состояние массовой культуры и отчуждение человека. Четвёртая — общение с инопланетянами, которые нужны автору в его произведении как оценители нашей земной цивилизации со стороны.

Попутно автор с присущими ему парадоксальностью и сарказмом рассматривает и вопросы об утрате обществом гуманности, о псевдосвободе граждан, о социальном управлении и его псевдомудрых функционерах, о формах бедности и нищеты, о гипертрофированной роли секса в современной массовой культуре, о человеческих отношениях, обусловленных социальной адаптацией. Сквозной идеей через всю книгу проходят взаимоотношения человека и компьютера, которого автор называет новым божеством XXI века. При этом информатизацию Зиновьев рассматривает не как благо для человечества, но как путь, ведущий к деградации человеческих качеств и тупик для социальной эволюции.

С политической точки зрения глобалистское сообщество Зиновьев представляет как единую целостную

структуру сверхнациональных объединений: Западного Сообщества, Европейско-Азиатского сообщества, Азиатского сообщества и др. Выделяется супергород Большой Запад с населением 50 миллионов человек. Во всём глобалистском сообществе осуществляется доминирование Запада с его технологиями, экономикой, культурой, ценностями, меркантилизмом, навязыванием своей политической воли всему миру. Результаты такого доминирования Зиновьев видит через парадоксы: в виде господства лжи над истиной, неразумия над разумом, разрекламированной пошлости над красотой, безличного стандарта над оригинальным творчеством. И повсюду довлеет власть богатых и социально приспособленных хитроватых эгоистов над простоватыми моралистами и искателями правды. Русских автор рассматривает в своей антиутопии как потерпевший историческое поражение народ, обреченный на роль аутсайдера обновлённого мира. Господство западоидов, то есть людей западного мира, якобы обеспечено самим ходом исторического и научно — технического прогресса.

Верен ли такой прогноз? Достаточно ли серьёзно он аргументирован? Думается, что такой сценарий мировой истории возможен, но не обязателен. Согласно Зиновьеву, развитие национальных государств и обществ к наднациональным объединениям и далее к мировому сверхобществу обусловлено научно — техническим прогрессом и в первую очередь информатизацией обществ. Перенасыщенность социальной среды информацией, по его мнению, и вызовет негативные социальные последствия. Другим фактором движения к сверхобществу названа политическая воля Запада к доминированию в мире, к установлению однополярного мира, к сохранению своего привилегированного положения в экономике, торговле и культуре.

Если посмотреть на проблему прогресса с иной точки зрения и задать вопрос: «А была ли информация движущим фактором истории в XIX, XVIII и ещё более ранних веках?» — то окажется, что она тогда не играла определяющей роли в истории. Люди знали об информации, она реально существовала в мире, но мало влияла на социальное развитие. Однако с изменением условий бытия людей, с появлением крупной промышленности и превращением науки в непосредственную производительную силу общества резко возросло число социальных контактов, увеличилась интенсивность информационного общения. Информационный подход в общественных явлениях стал вытеснять иные подходы — ценностный, социально — ролевой, цивилизационно — культурный, политическо — управленческий, психолого — личностный. Правильнее всё же сказать, что информационный аспект внедрился во все прочие подходы при рассмотрении общественных явлений и стал преобладать в них. Возникла даже теория информационного общества будущего, которое и представлено в антиутопии Зиновьева.

Однако надо помнить, что информация как явление природы есть объективное свойство материи. Она не содержит в себе ни блага, ни зла. Люди превратили её в игрушку разума. Их поисково — адаптационная деятельность стала для них самоцелью, перестала играть инструменталистскую функцию и трансформировалась в служение идее прогресса. Она приобрела черты мифиче-

ской деятельности, в основе которой лежит религиозное чувство, религиозное мироощущение. Разговоры об инопланетянах и о необходимом общении с иными разумными внеземными цивилизациями, которыми полны СМИ, подтверждают мифологичность мышления людей. В книге Зиновьева все эти околонуточные измышления саркастически высмеиваются и называются как однопорядковые с баснями о чертях, ведьмах, явлениях ангелов людям эпохи средневековья.

Но информация стала фетишем в современной культуре человечества, поскольку оно по-прежнему механистически воспринимает мир и саму социальную эволюцию. Операции людей с информацией включают в себя её нахождение и собирание, её классификацию и хранение, её свёртывание и развёртывание, её быструю передачу на большие расстояния с помощью современных средств связи (и прежде всего через Интернет), её кодирование и раскодирование, её анализ и синтез, построение иерархических и иных структур в ней, использование её во всех сферах жизни (и прежде всего в политике и экономике) как средства влияния на сознание людей. Все эти операции подчиняются принципам математической комбинаторики и находятся вне сферы морали, эстетической культуры и религии.

Однако в человеческой культуре главным фактором её существования и развития являются ценности. Российский культуролог Б.С. Ерасов в книге «Цивилизации: Универсалии и самобытность» называл основополагающие ценности этносов (язык, религию, мораль, нравственно — исторические традиции) «ядром культуры», которое переходит от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. «Именно в рамках «срединной» культуры формируется устойчивый нравственный идеал, — пишет он, — приемлемый для широких масс населения на длительный период времени. В её рамках снимаются крайности ценностных ориентаций: аскетизм — гедонизм, покорность — воля, своё — чужое, священное — бесовское, народное — антинародное... и складывается устойчивый образ жизни, обеспечивающий умеренное благосостояние широких слоёв населения, доступные цели и средства реализации этих целей» [1: с. 144]. Утрата ядра культуры означает гибель этноса, его растворение среди других народов. В связи с этим можно утверждать, что не любая информация будет определять лицо культуры, а только ценностная, понимаемая людьми как полезная и необходимая. Ценности в информационных потоках требуют отбора и притягивания их людьми в соответствии с их не только разумом, но и этническими мироощущениями, с их психолого — адаптационными этническими архетипами. Люди не могут отказаться от этих архетипов, которые присущи им генетически и связаны с их местообитанием, с географическими и климатическими условиями их существования.

Таким образом, сверхобщество будущего, очерк которого представлен Зиновьевым, есть возможный вариант развития современной цивилизации по механистическому пути. На этот путь все ныне существующие этнические сообщества или загоняются насильственно под влиянием научно — технического прогресса, или они устремляются на него сами, желая найти там ещё неизведанные блага. Если люди не будут разумно контролировать ход мировой

истории, то это общество будет подобно обществу абсурда, где будут разрушены социальные молекулы — семьи людей, через которые общество и воспроизводит себя. Гипертрофирование роли информации в таком обществе будет подобно раковой опухоли, уничтожающей социальный организм.

Книга Зиновьева важна для осмысления путей и целей социального прогресса на земле. Идеи Зиновьева предупреждают об опасностях забвения духовного фактора в жизни общества. Лишённый творчества человек низводится на уровень животного, которым манипулируют власть имущие и делатели прибыли. Человек с такой своей судьбой никогда не согласится — поскольку он творец по натуре. Творчество есть открытие и создание нового. Но не всякое новое хорошо, а только то, что лучше старого и нужнее его. Творчество касается и устройства социальной жизни, которое должно и может пробудить инициативу людей не только в адаптации к социуму, но и в изменении его самого. А это возможно через подготовку индивидов к тем профессиям и социальным ролям, с помощью которых они будут приносить обществу наибольшую пользу. Изменение человеческих качеств, о котором говорил основоположник Римского Клуба А. Печчеи ещё в 70-е годы XX века, есть верный путь к этому.

Следует особо отметить и особенности художественно — документалистского стиля письма А.А. Зиновьева. Содержанием книги «Глобальный человек» является саркастически оценивающая мир футурология. Философски неподготовленный читатель может за отрывистостью и абстрактностью изложения и не увидеть целого и основной идеи книги. Но от интеллигентно мыслящего человека не ускользнут её несомненные достоинства. Произведение наполнено интеллектуальными фантазиями и импровизациями автора. Главным методом автора остаётся всё тот же старый и проверенный в трудах философов прошлого метод усмотрения сущего через образы бытия. Сущее в обществе — это человек и его счастье, полнота реализации его творческих способностей. Об этом не устаёт говорить автор, когда подчёркивает преимущества разгромленного по его мнению коммунизма. С кознями Запада по отношению к реальному социализму можно и не согласиться, но действительность всё же подтверждает правоту Зиновьева. Многие черты и функции социалистического строя благополучно используются и при капитализме.

Для Зиновьева характерно использование своеобразного метода постмоделирования социального бытия, то есть моделирования истории по следам недавних исторических событий. Многие черты политики западнизма словно списаны с политических доктрин США накануне иракской войны, лживая пропаганда описана и объяснена как обыденное явление, обусловленное стремлением Запада к выживанию. Фонтанирующая фантазия Зиновьева не только сопровождает его размышления, но и является основой его метода рассмотрения общества. В ней органически присутствуют остроумные и насмешливые хохмы, которые оживляют текст и делают его более доходчивым для читателей. Например, автор утверждает о стремлении западоидов к долгожительству: между 150-летними родителями и 125-летними детьми, 100-летними внуками и 75-летними правнуками могут утратиться всякие родственные чувства. Ведь 100-летние и 25-летние родственники могут

производить на свет детей одновременно! Или его хохма о сексе: «В рекламе показали новый искусственный мужской член, изготовленный на основе достижений микробиологической технологии и гарантирующий имитацию пятидесяти оргазмов в течение ночи. Старый образец гарантировал лишь пять» [2: с. 174]. Но наряду с этими остроумными гиперболизациями у Зиновьева рассеяны по всей книге семена мудрости в виде афоризмов.

Например, суждение о том, что «в конце концов, единственный адекватный собеседник для человека — это он сам. И беседуя с другими, мы лишь через них обращаемся к самим себе» [2: с. 129]. Или афоризм: «Страшны не воображаемые гигантские враждебные силы, не социальные львы и тигры, а реальные житейские ничтожности, социальные насекомые, социальные микробы. Они страшны своей множественностью и непрерывностью действия» [2: с. 81]. Или остроумные высказывания: «Лучшее в своём роде явление не обязательно хорошее. Самый высокий карлик ещё не есть великан. Самый умный дурак ещё не есть мудрец. Из того, что наше общество лучше других, не следует, что оно хорошо само по себе [2: с. 301]. Эти семена мудрости только ждут благоприятных условий, чтобы взойти и расцвести, а затем и дать плоды. Автор их вбросил в культуру. Остальное же должны сделать сами люди и время. Ведь даже очень великие и правильные идеи не реализуются сами собой. Им нужны творчески мыслящие люди, активно действующие в обществе.

Диалоговая форма изложения идей не изобретена Зиновьевым.

Она встречается в трактатах Джордано Бруно и Галилея, а ещё раньше у Платона. Такая форма позволяет автору вступить в полемику с самим собой и развернуть свою аргументацию. Однако у Зиновьева эта форма лишь обозначает доказательность. Его книга — словно составленная из отдельных кусочков мозаичная картина общественной жизни будущего глобалистского общества. Описание и объяснение использованы автором в полной мере в отличие от статистики и непротиворечивых исчислений понятий и принципов, которые ещё Огюст Конт называл языком социологии. Из этого не следует, что Зиновьев не смог построить свою социальную теорию по всем канонам науки, ибо он слишком умен и профессионально логичен. В данной книге он эту задачу не ставил. Главное, что он хотел сказать — смотреть на социальную жизнь прямо и без лжи — было им достигнуто. Своим примером бесстрашного поиска истины автор зовёт и читателей уяснить для себя настоящие, а не мнимые, причины и движители прогресса общества и человека.

¹ Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. — М.: Наука, 2002.

² Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М.: Изд — во Алгоритм, Изд — во Эксмо, 2008.